

По указаниям Сян Бэя Мэн Нань проехал в самый конец деревни и остановился перед очень просторным двором.

Ограда была сложена из аккуратного красного кирпича, а высокие кованые ворота выглядели весьма внушительно.

Сян Бэй выскочил из машины и прямо через прутья ворот крикнул во двор:

— Бабушка! Открывай! Я вернулся!

Вскоре дверь главного дома со скрипом открылась. На крыльцо вышла невысокая, кругленькая, добродушная старушка и, прищурившись, стала всматриваться в сторону ворот.

Узнав Сян Бэя, она мгновенно расцвела улыбкой и громко отозвалась:

— Ой, внучек мой родненький!

Она чуть ли не бегом поспешила открывать ворота — по такой живости и не скажешь, что ей скоро семьдесят.

Распахнув ворота, бабушка тут же обняла Сян Бэя и обеими ладонями, широкими как маленькие веера, с любовью несколько раз крепко хлопнула его по спине.

— Внучек мой дорогой! Ты чего вдруг приехал? Хоть бы позвонил заранее! — Бабушка Сян почти три года не видела внука и теперь внимательно рассматривала его лицо, придерживая ладонями. — Выше стал. И похудел.

Сян Бэй широко улыбнулся, показав все восемь зубов:

— Бабушка, мне уже двадцать пять. Куда мне ещё расти?

Но ей всё было мало: она то щупала его руку, то гладила по щеке.

— В двадцать три ещё вытягиваются, в двадцать пять ещё наливаются! Подрастёшь, ещё подрастёшь...

Сян Бэй тут же подхватил:

— Тогда пусть сбудутся бабушкины слова! Я сейчас метр семьдесят восемь. Мне много не надо — ещё два сантиметра, и будет ровно метр восемь!

Только тогда бабушка заметила машину рядом и необычайно высокого Мэн Наня, стоявшего возле неё.

— Это твой друг? Вы вдвоём на машине приехали?

Сян Бэй как раз ломал голову, как представить Мэн Наня. Скажет «парень» — вдруг бабушка сразу не примет. Назовёт обычным другом — ещё Мэн Нань расстроится. Он невольно замялся.

Мэн Нань сам спокойно подошёл ближе и уважительно, мягко сказал:

— Здравствуйте, бабушка. Меня зовут Мэн Нань. Мы с Сян Бэем соседи в Пекине и друзья с детства.

Тут он вдруг вспомнил, что впервые пришёл в гости с пустыми руками, и немного смутился.

— Мы так спешили, что не успели приготовить вам подарок. Простите, пожалуйста...

Бабушка только отмахнулась, схватила Мэн Наня за руку и радушно сказала:

— Ой, да чего ты! Какой ещё подарок? В свой дом приехал — какие тут церемонии! Главное, приехали. Вот и хорошо!

Она с трудом задрала голову, разглядывая Мэн Наня.

— Ты чем таким питался, что вымахал? Наверное, метр девяносто есть?

— Нет-нет, — Мэн Нань поспешно слегка наклонился к ней. — Метр восемьдесят семь.

— Высокий парень у ворот встанет — что ни надень, всё к лицу! — Бабушка внимательно посмотрела на его мужественное лицо и расплылась в улыбке. — И сам красавец: брови густые, глаза большие. Прямо как звезда из телевизора!

Мэн Нань от похвалы немного смутился, кончики ушей покраснели.

— Бабушка, это вы красавица. Такая бодрая, энергичная! Вам в этом году шестьдесят есть?

Эти слова рассмешили её так, что глаза превратились в щёлочки.

— Да мне уже шестьдесят девять! Вот-вот семьдесят стукнет!

Мэн Нань совершенно искренне удивился:

— Никогда бы не подумал! Я был уверен, что вам ещё и шестидесяти нет.

Сян Бэй покосился на него. Вот ведь хитрец — умеет бабушек очаровывать!

В это время, услышав шум, с заднего двора подошли младший дядя Сян Мин и его жена Лю Юэсян.

Лю Юэсян была типичной открытой, бойкой северо-восточной женщиной. Ещё издали она громко крикнула:

— Это Сяобэй вернулся, что ли? Ой, чего вы все у ворот торчите? Заходите, заходите скорее!

Сян Мин тоже поспешно позвал:

— Вот именно! Сначала в дом, отдохните. Там и наговоримся!

Он полностью распахнул обе створки железных ворот, чтобы Сян Бэй мог загнать машину во двор.

Только теперь Мэн Нань увидел, насколько огромен этот двор: не меньше трёх-четырёх сотен квадратных метров, весь ровно и чисто залит бетоном.

Во дворе стояли трактор, какая-то незнакомая сельскохозяйственная машина и длинный фургон. Хозяйство сразу выглядело крепким и богатым.

Главный дом и оба боковых флигеля были просторными одноэтажными зданиями из серого кирпича под красной крышей. Все инструменты и вещи аккуратно лежали на стеллажах вдоль стен. Повсюду чувствовались порядок и достаток.

Мэн Нань тихо сказал Сян Бэю, который уже припарковался и вышел из машины:

— Тут так просторно. По-моему, жить даже удобнее, чем в нашем пекинском доме с внутренним двором.

Сян Бэй довольно хмыкнул:

— Вот зайдёшь внутрь — тогда поймёшь. Северо-восточная тёплая печная лежанка — вот где настоящее удовольствие!

С этими словами он отстегнул цепочку Трещотки и посадил попугая себе на плечо.

Трещотка словно от рождения знал, кто в этом доме главный. Он захлопал крыльями и звонко закричал бабушке:

— Бабушка! Бабушка!

Мэн Нань мысленно выругался: вот мелкий неблагодарный! Столько фисташек ему скормил, а «мама» так и не выучил. Зато «бабушка» — с первого раза, без всякого учителя!

Бабушка удивлённо посмотрела на Трещотку.

— Это он сейчас разговаривал? Ой, да как чисто-то говорит!

Она тут же взяла попугая себе и принялась с восторгом его разглядывать.

В гостиной главного дома пол был выложен блестящей белой плиткой, стены ровно покрашены, стояли большой двухдверный холодильник, шестидесятидюймовый телевизор, широкий кожаный диван, тяжёлый стол из массива дерева... Каждая вещь без слов говорила о спокойной, обеспеченной жизни хозяев.

— Садитесь, передохните! — хлопотала Лю Юэсян. — Вы обедали?

Сян Бэй тут же ответил:

— Тётя, не суетись, мы в машине поели.

Услышав это, бабушка сразу распорядилась:

— Ладно, тогда вечером устроим нормальный ужин! Юэсян, достань из морозильника того большого гуся, пусть оттаивает. Вечером протомим гуся в чугунном котле! И петушка нарежьте, замочите немного лесных опят. Сяобэй больше всего любит курицу с грибами!

Сян Бэй удивился:

— У нас ещё гусь остался?

— После первого снега перед Новым годом забили. Перья уже чистые были. Самого жирного так и держим замороженным.

Крупный северо-восточный гусь весил больше десяти цзиней, и вкуснее всего считался тот, которого забивали только после первого снега.

У Сян Бэя уже слюнки потекли.

— Отлично! Вот это мы поедим!

Он не удержался и зевнул. Бабушка сразу обеспокоенно спросила:

— Не выпались? Вон какие круги под глазами у обоих.

Сян Бэй тут же воспользовался случаем и капризно пожаловался:

— Бабушка, мы так спешили домой, что целые сутки ехали, сменяя друг друга, почти глаз не сомкнули.

— Ой, тогда быстро отдыхать! Хватит болтать, идите в комнату и поспите. Еда будет готова — разбудим!

Бабушка буквально затолкала их в комнату, ловко сняла с верхнего шкафа у печной лежанки совершенно новый комплект постельного белья и в несколько движений всё аккуратно постелила.

— Спите здесь, на лежанке, и ни о чём не думайте! А я в теплицу схожу, нарву вам немного души. И клубники тоже — сладкая-пресладкая!

С этими словами бодрая старушка снова умчалась.

Мэн Нань недоумённо спросил шёпотом:

— А что такое «души»?

Сян Бэй забрался на лежанку; глаза уже слипались.

— Голубика... У нас в горах растёт дикая. Здесь её называют души...

— У вас ещё и голубика растёт? Я всегда думал, её либо на юге выращивают, либо привозят из-за границы, — удивился Мэн Нань.

— Подумаешь... Тут не только голубика. Есть ещё клюква, физалис, малина...

Голос Сян Бэя становился всё тише. Он даже договорить не успел: голова коснулась подушки, и он сразу крепко уснул.

Мэн Нань тоже едва держался. Он лёг рядом и по привычке обнял Сян Бэя.

Печная лежанка под ними была жестковата и совсем не похожа на привычную кровать, зато оставшееся после дневной топки тепло медленно поднималось сквозь матрас и приятно прогревало всё тело.

Вскоре Мэн Нань тоже уснул глубоким спокойным сном в этом надёжном тепле.

<http://bllate.org/book/20311/2028153>